

Баженов Анатолий Матвеевич
Тульский государственный университет,
г. Тула, Российская Федерация
bajenov.anatol@yandex.ru

Политический режим современной России как предмет социологического изучения

Аннотация. В статье анализируются роль и функции политики в общественной жизни. Обращается внимание на особенности формирования политического режима в современной России. Он рассматривается в контексте такого феномена, как легитимность власти. Утверждается, что за прошедшие почти тридцать лет процесс укоренения легитимации власти происходил достаточно противоречиво. Подчеркивается, что выборы 12 декабря 1993 года и принятие новой Конституции – поворотный пункт на пути России к демократии. Напоминается, что предложенные поправки в действующую Конституцию воспринимаются разными слоями населения страны неоднозначно. Все это требует внимательного социологического изучения.

Ключевые слова: политика; политический режим; легитимация власти; демократия; выборы; Конституция России; внесение поправок в Конституцию; социологическое изучение

Bazhenov Anatoly Matveyevich
Tula state University,
Tula, Russian Federation
bajenov.anatol@yandex.ru

The political regime of modern Russian Federation as a subject sociological study

Abstract. The article analyzes the role and functions of politics in public life. Attention is drawn to the peculiarities of the formation of the political regime in modern Russian Federation. It is considered in the context of such a phenomenon as the legitimacy of power. It is argued that over the past almost thirty years, the process of establishing the legitimacy of power has been quite contradictory. It is emphasized that the elections of December 12, 1993 and the adoption of the new Constitution are a turning point on Russian Federation's path to democracy. It is recalled that the proposed amendments to the current Constitution are perceived ambiguously by different segments of the country's population. All this requires careful sociological study.

Keywords: politics; political regime; legitimization of power; democracy, elections; the Russian Constitution; amendments to the Constitution; sociological study

Роль и функции политики в общественной жизни

Сфера политики представляет собой важнейший структурный элемент общественной жизни. Роль этой сферы определяется, прежде всего, тем, что в ней

создается основное «организационное» начало общества, направляющее жизнь людей, социальных общностей в то или иное русло. В политической сфере принимаются решения и осуществляются действия, оказывающие подчас решающее влияние на общество в целом и его отдельные структуры. В ней формируются особые отношения, называемые политическими. Их специфика состоит в том, что они универсальны, всеохватны, отражают, так или иначе, деятельность социальных общностей в самых различных сферах жизни общества. Именно поэтому политика выступает как особый, а часто и определяющий вид социального регулирования.

От политических решений зависят развитие тех или иных общественных явлений, процессов, их перспективы и возможности. Об отношении в обществе ко многим из них часто судят по характеру политических действий. Если сегодня образование, наука, культура в России пребывают в печальном и плачевном состоянии, то это, прежде всего, следствие соответствующей политической стратегии, не рассматривающей их в качестве приоритетных сфер общества. Хотя на словах и даже в президентских указах все может обстоять наоборот, но о политиках судят не по словам, а по делам.

Однако с политикой как важной сферой общественной жизни связан один чрезвычайно любопытный парадокс. Чем более значимой представляется эта сфера с точки зрения социальной, тем менее привлекательной она оказывается для подавляющего большинства членов общества. Важно отметить, что осознание связи между политикой как не главным видом жизни человека и падением интереса к ней в нашем обществе (особенно в связи с процессами затяжного и глубокого социально – политического кризиса в 1990-е годы) четко зафиксировано социологами. К сожалению, само снижение интереса к политической жизни в обществе подтверждается данными электорального поведения – от парламентских, президентских выборов до избрания в местные органы власти.

И, тем не менее, нынешняя трансформация политической сферы России осуществляется достаточно противоречиво. Поскольку спектр институциональных характеристик демократических политических систем весьма широк, обычно формулируются семь критериев, представляющих собой общий знаменатель демократических режимов:

- наличие выборных представителей, контролирующих правительство;
- свободные выборы;
- всеобщее активное избирательное право;
- всеобщее пассивное избирательное право;
- свобода мнений;
- свобода информации;
- свобода коалиций и общественных организаций.

Легитимность власти

Все эти понятия в той или иной степени нашли отражение в политической жизни России. Но функциональной характеристикой всякого политического режима является легитимность власти. Легитимность утверждает политику и власть, объясняет и оправдывает политические решения, создание политических структур, их изменение, обновление и т.д. Она призвана обеспечивать повиновение, согласие, политическое участие без принуждения, а если все это не получается, – оправдание такого принуждения, использование силы и всех других средств, которыми располагает власть.

Легитимность политики обязательна и распространяется на все её аспекты и факторы – власть, её цели, средства, методы, формы и действия, решения, документы и прочее. Разумеется, не все без исключения конкретные политические акты сопровождаются легитимирующей аргументацией, особенно такие, как законы, приказы, инструкции, распоряжения и т.д. Их легитимность достигается общим контекстом объяснения политики, которую осуществляет соответствующая власть, пропагандой её верности и привлекательности. Пренебрегать легитимностью может до известных, весьма ограниченных пределов лишь чрезмерно уверенная в себе, обычно деспотическая, тираническая власть авторитарного или тоталитарного типа либо власть обреченная, временная и слабая.

В этой связи нельзя не сослаться на практику советской власти. При всей своей уверенности в непогрешимости действий она всегда пыталась облачить себя в тогу законности. Правда, все это сопровождалось солидной дозой демагогии. Но сущность преступлений власти от этого нисколько не менялась.

В настоящее время имеется огромное количество научной, художественной и публицистической литературы, где подтверждаются приведенные факты. Вот что писал академик А. Д. Сахаров, которого называли «совестью нации»: «Сменялись помощники (Ягода, Молотов, Ежов, Жданов, Маленков, Берия), но антинародный режим Сталина оставался все таким же свирепым и в то же время догматически ограниченным, слепым в своей жесткости» [Сахаров, 1990: 12].

В современной России не одобряется сравнительный анализ советского социализма и немецкого национал-социализма. Но реальная жизнь побуждает это делать. Конечно, немцы до сих пор испытывают комплекс вины перед другими народами. А. Найман по этому поводу пишет: «Но Германия дошла до национальной трагедии – её разбили в войне, она проиграла историю. Может быть, поэтому, оттолкнувшись от таких глубин, немцы поймали инерцию подъема и нашли силы назвать содеянное своими словами» [Найман, 2016: 20].

Теперь, когда после краха коммунизма прошло около тридцати лет и упомянутые выше тенденции развития политических режимов устоялись, можно прийти к некоторым согласованным выводам. Видимо, надо признать, что теории, предсказывавшие быстрый переход посткоммунистического мира к демократии в результате кропотливой работы элит над конституциями, оказались просто неверными. Направление научной мысли, которое делало упор на институциональное наследие и

географическую среду в качестве факторов, определяющих пределы возможных трансформаций режимов, подтвердило свою состоятельность [Хэнсон, 2011: 106]. Те аналитики, которые подчеркивали важность создания на посткоммунистическом пространстве эффективных политических институтов как предпосылки надежного обеспечения прав собственности и исправно функционирующих финансово-экономических систем, оказались правы.

Простое перенесение прежних формальных институциональных правил на новые электоральные режимы и рыночные экономики не способно в полной мере объяснить результаты эволюции режимов после крушения империи. Видимо, нельзя ожидать, что за время, равное одному поколению, будут выработаны и успешно институционализированы новые формы легитимного господства; постсоветский опыт показывает, что постимперская институциональная турбулентность может длиться десятилетиями. Тем не менее, двадцати с лишним лет достаточно, чтобы страны с благоприятным институциональным наследием и удачным географическим положением смогли успешно воспроизвести у себя формальные институты стабильных и консолидированных режимов соседних стран.

Власть, функционирующая в демократическом режиме, напротив, уделяет легитимности своих действий самое пристальное внимание, которое определяется не её доброй волей, а насущной политической и социальной необходимостью править с согласия народа. Современная процедура легитимности представляет собой обращение (апелляцию) к какой-либо идеальной или предметной области. То есть к абсолютным и высшим ценностям (справедливости, разумности, истинности и т.п.); всеобщим законам истории; чувствам и эмоциям; настроениям и представлениям общества или какой-либо его влиятельной части; к действительной или вымышленной воле народа; к практической полезности политики – общественной, экономической, экологической.

Политическая практика восточноевропейских стран после Второй мировой войны является дополнительной иллюстрацией ущербности советской власти. Социалистические страны во многом копировали правила организации политической власти в СССР. При анализе процесса легитимизации власти сравнивают политические системы в России и США. Обычно эксперты сходятся во мнении о том, что в России Конституция оказалась слишком податливой (например, закон 2013 года «Об оскорблении религиозных чувств верующих» противоречит ст. 28 Конституции РФ). Институты политических партий малоразвиты. Политическая конкуренция практически отсутствует. Пресса, особенно телевидение, занимает властные позиции. Судебная система полностью контролируется исполнительной властью. Крупная собственность находится в полной зависимости от власти. Например, сегодня государство контролирует 71 % финансовых активов в стране [Гудков, 2018: 110].

США имеют живую, мощную конституцию. Недаром в США в Филадельфии (первая столица американского государства) имеется музей, в котором хранятся исторические документы. Как известно, на площади Независимости в здании

Индепенденс-холл (Зал Независимости) 4 июля 1776 года принята была Декларация независимости, а потом 17 сентября 1787 года – Конституция США. Американцы с большим уважением относятся к своей истории.

Конституция США выросла из необходимости религиозной толерантности. В этой стране существуют по-настоящему судебная система, устоявшиеся политические партии, незыблемое право собственности. Кроме того, работают непобедимые механизмы разделения властей, которые не терпят концентрации силы в каком-либо одном центре, даже в Вашингтоне.

Это подтверждается и на примере избрания 45 президентом США Дональда Трампа, который прилагает усилия по изменению традиций американской политической жизни. В истории политики использовался и используется сейчас двойной ряд апелляций, наряду с обращением к идеальным и практическим, утилитарным аргументам: к рациональным и иррациональным доводам. Все это дало основание М. Веберу предложить классификацию легитимности на три вида: 1) традиционный, т.е. основанный на неписаных законах традиций, обычаев, культуры, догосударственных политических отношениях; 2) харизматический, эмоционально-волевой и 3) рациональный, основанный на принятых в государстве порядках и законах, разумных суждениях. С этой классификацией М. Вебер связывает и типологию власти: государственной при её рациональном обосновании и личной, когда она основана на традиционных и харизматических легитимирующих началах. Типология М. Вебера приобрела большую популярность, однако в ней нет указаний на содержание легитимирующих апелляций [Вебер, 1990: 644–706].

К первому типу относится политическая аргументация: доводы об опасности или безопасности той или иной политики, её целесообразности, необходимости, неизбежности, спасительности и т.п. Сильным аргументом такого рода служит, например, знаменитое разделение участников политических отношений на друзей и врагов, введенное в 20-х годах XX века К. Шмиттом [Шмитт, 1992: 37–67]. К подобному аргументу широко прибегали тоталитарные режимы для доказательства необходимости и благотворности принуждения, насилия, репрессий.

Как известно, после смерти Сталина в СССР наступила эпоха, которую называли оттепелью. Но время оттепели не во всем было жизнерадостным. Постоянно отголоски прошедшей эпохи напоминали о себе. Всевластие коммунистической идеологии проявлялось. Близка к политической аргументации апелляция к истории (историческим задачам страны, например, служить оплотом мира и демократии), воле народа, велению времени, императивам эпохи и т.д.; обращение к национальным традициям и идеалам. К этой группе аргументов примыкает и апелляция к экономической, технической, научной, созидательной практике: требованиям производства, решению экономических проблем, запросам научно-технического прогресса, культуры, а также апелляция к знанию, науке, т.е. обладанию истиной, хотя претензии на знание, особенно на истину привносят в легитимирующий процесс иррациональную аргументацию. Здесь на грани рационального и иррационального,

знания и невежества, разума и предрассудков естественным и доказательным становится любое, внешне логически не противоречивое доказательство типа «закон требует», «государство ждет от нас» и т.д. С такого рода утверждениями старшие поколения россиян знакомы не понаслышке, они их воспринимали как правила жизни.

Легитимацию особого типа образует правовая аргументация. Ее рациональность не очевидна. Апелляция к закону, т.е. легальности власти или политики, их законность (указание на то, что власть образована согласно конституции) сама по себе может не быть легитимной в глазах общества или его части. Как и в других типах легитимации, в правовой легитимации также существует заметный иррациональный момент. Закон может легализовать власть лица, которое общество не принимает, но вынужденно повиноваться; правительственный акт может узаконить политические санкции, правовые или экономические меры, которые страна не одобряет, но вынуждена терпеть и т.д. Таким образом, легитимация, как и легализация, может быть при определенных условиях формальной или неистинной. Во всяком случае, общество может разделиться в отношении легитимности какого-либо политического влияния, какой бы рациональной ни была её аргументация.

Будучи инструментом власти, легитимность также служит и средством её контроля со стороны электората и политической организации общества. Целостная, интегральная легитимность государства, политики, всех её направлений – основа общественного единства, залог успешного функционирования политического режима страны [Аверьянов, 1993: 151–153].

За прошедшие почти тридцать лет процесс укоренения легитимации власти происходил достаточно противоречиво. Тем не менее, за этот период времени наше общество пережило бурные и судьбоносные события, связанные с реформами.

В согласии с приведенным утверждением можно сослаться на умозаключение Б. Кистяковского: «Нет единых и одних <и> тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной, или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок» [Кистяковский, 1990].

Утверждение института демократических выборов

Утверждение института демократических выборов – важнейший аспект становления демократического политического режима. Выборы 12 декабря 1993 года – поворотный пункт на пути России к демократии. Парламентские выборы 1993 года стали первыми после окончательной ликвидации советских властных институтов.

При всех оговорках, можно однозначно утверждать, что в первый период проявилась поддержка со стороны избирателей тех политиков, которые ориентировались на либерально-демократические ценности. Точнее, приоритет отдавался тем соискателям государственной должности, которые выдвинулись на

волне нововведений. Это сейчас мы понимаем, что некоторые из них часто в корыстных интересах пользовались демократическими атрибутами.

Конечно, с высоты времени можно более спокойно оценивать итоги выборов 12 декабря 1993 г. и двухгодичную работу постсоветского парламента. Введение института свободных выборов и начало формирования нового парламента способствовали становлению демократического политического режима в России [Макфол, 1994]. Стремительно осуществились такие события, как отстранение КПСС от власти, перенесение функций реального управления страной из партийных структур в государственные институты, утверждение президентской формы правления, переустройство России на началах нового федерализма, введение системы разделения властей. Приватизация и принятие рыночной экономики существенно изменили хозяйственную жизнь.

Значимость новой Конституции

Но самым главным для укоренения нового политического режима и его перспектив было принятие Конституции РФ. Она отразила в своих статьях итоги развития правовой теории и практики в России и во всем мире. Основы нашего конституционного строя отвечают самым строгим меркам современного этапа человеческой цивилизации. Правда, со времени утверждения Конституцию и по сей день нередко критикуют, а то и просто ругают. В ней, действительно, можно найти определенные недоработки и слабости. Но главные упреки в её адрес исходят из того, что многие её положения не выполняются, остаются на бумаге. Такие упреки, к сожалению, имеют свои основания. «Но это не вина, – пишет Б. Н. Топорнин, – а беда Конституции. Она не в состоянии самостоятельно решить все острые проблемы, особенно экономические. Нередко получается так, что положения Конституции как бы утрачивают свойства правовых норм и становятся нормами-декларациями, нормами-ориентирами» [Топорнин, 1997: 5].

Как известно, 15 января 2020 года президент РФ В. Путин предложил внести изменения в Конституцию [Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020, 2020]. Не все политические и общественные деятели России соглашались с предложенными поправками в действующую Конституцию. Недавно была опубликована декларация «О защите Конституции России» [О защите Конституции России, 2020: 18].

Хорошей иллюстрацией для понимания легитимации нынешнего политического режима в России является процедура отбора преемника В. Путина накануне президентских выборов в марте 2008 года. О технологии выбора «наследника» Путина рассказал Ю. Левада в своей статье [Левада, 2006]. Как показали результаты социологического исследования, проведенного в апреле 2006 года аналитическим центром, на президентских выборах 2008 года «будет происходить реальная борьба между кандидатами» (так считали 33 % респондентов); «будет создаваться видимость борьбы, а президентом все равно признают того, на кого укажет Путин» (так думал 51 % респондентов). Конечно, верхам власти едва ли приходилось опасаться за исход предстоящих выборов. В то же время со стороны власти проявлялась определенная

напряженность. Скорее всего, дело в том, что именно группе приближенных («допущенных к выбору», по словам Ф. Искандера) приходилось выбирать не столько персону «наследника», сколько механизм его легитимации как в узких группах, так и в глазах общественности. В этой связи возникало несколько вариантов решения этой задачи.

Во-первых, желательно поддержать некоторую видимость легитимности переходных процедур при очевидном отрицании буквы и духа соответствующих законов, международных прецедентов и т.д.

Во-вторых, при неизбежных перетрясках в ближайшем окружении первого лица требуется сохранить в неприкосновенности «вертикальную» опору власти и соотношение конкурирующих групп влияния в её верхних эшелонах.

В-третьих, приходится заботиться о личной и групповой безопасности круга причастных к принятию решений.

В-четвертых, остается болезненной проблема сочетания сугубо ситуативных акций, рассчитанных на немедленный эффект, с учетом минимальной перспективы.

В-пятых, нужно придать видимость какого-то обновления курса, стиля, кадрового состава при стремлении по мере возможности сохранить неизменными сложившиеся за последние годы тенденции и нравы в политике.

В это же время происходит формирование идеологического и эмоционального «фона» предполагаемой «передаточной процедуры». В этом ряду находятся реанимация концепции «враждебного окружения» страны, придание официального статуса представлениям об «особом» пути России («суверенная демократия»), а также соответствующие трактовки правопорядка, гражданских институтов, свобод и т.д. В отличие от советской модели нынешний политический режим не нуждается в каком-либо священном учении. Он довольствуется идеологическими инструментами: призывами (поддержать «программу Путина»), слоганами, заклинаниями (во время выборов утверждалось «Если не Путин, то кто»), которые вводят в оборот в конкретных ситуациях. Кроме того, для поддержки действующей власти формировались дополнительные организации. В том числе в мае 2011 года был учрежден Общероссийский народный фронт во главе с В. Путиным. Создана сеть прокремлевских молодежных движений – «Наши», «Молодая гвардия», «Молодая Россия», «Местные», которые часто выполняют функции клкеров.

Все последующие политические события подтвердили прогноз Ю. Левады. Президентом в 2008 году на четыре года стал Д. Медведев. Какое-то время либеральная часть российского общества связывала с ним определенные надежды на изменение вектора развития. Все помнят его выражение: «Свобода лучше, чем несвобода». Но, к сожалению, Д. Медведев не оправдал эти ожидания. Он остался верен договоренностям с В. Путиным, о чем было сказано им 24 сентября 2011 года на съезде «Единой России».

В этой связи американский исследователь Г. Хейл достаточно образно обрисовал ситуацию. Поступок Д. Медведева ученый назвал политическим харакири, когда он был вынужден в 2012 году уступить президентство В. Путину [Хейл,

2012: 42]. Здесь уместно привести суждение известного социолога Р. Коллинза: легитимность правителей связана с тем, как люди ощущают влияние геополитики на собственное государство. Делегитимация власти наступает тогда, когда государство начинает испытывать геополитические затруднения, финансовый кризис, когда близок распад внутривластной структуры. В этом случае наблюдается эмоциональное охлаждение людей по отношению к государству, и как следствие – утрата легитимности власти [Коллинз, 2000: 72–89].

Итак, практика становления нового политического режима в современной России показала, что процесс утверждения легитимности власти происходит с большими трудностями, с движением вспять, с реанимацией советских представлений о власти. Все это требует внимательного социологического изучения.

Библиографический список

Аверьянов Ю. И. Политология: Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1990. С. 644–706.

Гудков Л. Патриотическая мобилизация и её следствия // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1–2 (126) январь-июнь. С. 81–123.

Кистяковский Б. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новое время, Горизонт, 1990. 210 с.

Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 72–89.

Левада Ю. Бремя мнимого выбора // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 4 (84). С. 8–14.

Макфол М. Осмысление парламентских выборов 1993 г. в России // Полис. 1994. № 5. С. 124–138.

Макфол М. Осмысление парламентских выборов 1993 г. в России // Полис. 1994. № 6. С. 179–185.

Найман А. Другие – плохие, хорошие – мы // Новая газета. 2016. № 61. 20 с.

О защите Конституции России // Новая газета. 2020. 7 февраля. 18 с.

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 10.02.2020).

Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 4–25.

Топорнин Б. Н. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. М.: Юристъ, 1997. 716 с.

Хейл Г. Динамика правящего режима в России // Pro et Contra. 2012. № 4–5 (56). С. 33–53.

Хэнсон С. Эволюция постсоветских режимов // Pro et Contra. 2011. № 5 (53). С. 105–120.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.